

М. Бирней,

Литовский эдукологический университет,

г. Вильнюс, Литва.

E-mail: solnce_2002@yahoo.com

Интертекст как фактор концептуализации воды в прозе И. Бунина

В статье концептуализация *воды* в прозе И. Бунина рассмотрена через призму мировой традиции осмысления этого универсального феномена и архетипического символа культуры. Являясь «средой бытования культурных концептов», интертекст выступает в качестве когнитивного механизма, обуславливающего концептуализацию *воды* в авторской картине мира. Диалог — это двустороннее взаимодействие, поэтому заимствование или переключка с архетипическими и мифопоэтическими образами, с сюжетами мировой культуры, связанными с водой, в прозе И. Бунина становится тем механизмом интертекстуального характера, который определяет в авторской картине мира смысловое наполнение концептуальной структуры «вода», в частности, культурный или сублогический слой этого ментального феномена. Его содержание складывается из всех тех надъязыковых и «нечитаемых» смыслов — идей, образов, представлений, понятий, — которые в контексте получают осязаемость через метафорическую сочетаемость, ассоциативные связи имени *вода* и его субститутов. «Торчащие» во все стороны «нечитаемые» смыслы непосредственно связаны с символикой воды. Она раскрывается в контексте дискурса мировой культуры в результате читательской рефлексии. Так, отражая «культурную память» слова, *вода* у И. Бунина выступает в качестве символа амбивалентных начал: «богини-матери/отца», «божественной сущности» и одновременно мифического «хаоса» — этого античного *ничто*, безликого и первобытного *естества*, — совмещающего в себе идеи *жизни* и *смерти*, *начала* и *конца*, *животворящего лона*.

Ключевые слова: интертекстуальность; концептуализация; ментальный феномен; дискурс мировой культуры; символика воды; авторская картина мира.

Intertext as a factor in the conceptualization of *water* in the prose of I. Bunin

In this article, the conceptualization of *water* in I. Bunin's prose is viewed through the prism of the global traditions of interpreting water as a universal phenomenon and archetypal cultural symbol. Seen as a «habitat for cultural concepts», intertext becomes a cognitive mechanism, determining the conceptualization of *water* in I. Bunin's model of the world. Dialogue is a two-way interaction. Therefore, the usage of archetypal images, mythological plots, and other cultural ideas related to water becomes the cognitive backdrop in I. Bunin's prose, framing the cultural content in *water's* conceptual structure. It is suggested that this content is «composed» of all of the «unreadable» meanings (ideas, images, and notions), all of which are obtained contextually through metaphorical usages of *water* substantive and its substitutes. Sitting just below the surface, «unreadable» meanings relate directly to the symbolism of water and it is shown that these symbolic meanings unfold in the context of the world's culture as a result of the readers's reflection. For example, the substantive *water* in I. Bunin's prose reflects the «cultural memory», serving as the ambivalent character: the «goddess-mother/father», the «divine essence», and, at the same time, the mythical «chaos», traditionally seen as the ancient «nothingness» of an impersonal and *primitive nature*, combining the dualities of *life* and *death*, the *beginning* and the *end*, and the *life-giving bossom*.

Keywords: intertextuality; conceptualization; mental phenomenon; global culture discourse; symbolism of water; author's model of the world.

Концепция интертекста и предложенный Ю. Кристевой термин «интертекстуальность» [4: с. 98], введенный в лингвистический обиход во второй половине XX века, восходят к идее «диалогизма» М.М. Бахтина. Согласно этой идее любой текст — постоянный диалог всякого автора со всей предшествующей и современной ему культурой. Обычно исследования, занимающиеся проблемами интертекстуальности, сосредоточиваются на формальном уровне взаимодействия двух или более текстов, связанном с поиском каких-то общих фрагментов — преобразованных или неизменных

цитат и иных разнородных включений. В частности, в исследованиях И.В. Арнольд под интертекстуальностью понимается «включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций или аллюзий» [1: с. 351]. Однако в настоящее время любое интер- или межтекстовое взаимодействие понимается не только (и не столько) как заимствование некоего (одного) элемента — устоявшегося наименования, аллюзий на него или цитатных импликатур. Наряду с формальным уровнем проявления интертекстуальных включений межтекстовое взаимодействие, согласно Ю.С. Степанову, также мыслится и как «нечитаемое», состоящее из понятий, образов, представлений, идей [6], т. е. всего того, что в современной лингвистике именуется «ментальными мирами», «когнитивным пространством» или «концептосферой» носителя языка. Полагая, вслед за Ю.С. Степановым, что интертекст представляет собой многоярусное явление, в котором, наряду с формальным, имеет место и концептуальное смысловое взаимодействие, обратимся именно к этому высшему уровню «надтекстового» смыслового взаимодействия как фактору, определяющему специфику концептуализации *воды* в прозе И. Бунина. Это тем более важно, что именно интертекст, по мысли Ю.С. Степанова, является «естественной средой бытования культурных концептов» [6]. «Вода» же в контексте культуры по праву считается одним из универсальных концептов или констант, определяющих и формирующих картину мира в сознании человека.

Субстанция воды как одна из четырех основных стихий в культурном сознании выступает в качестве универсального архетипического первообраза, отражающего мифологизированные архаические представления о мире. Эта функция воды, как утверждает Г. Башляр, «помогает представить великолепие мироздания и является первоначалом художественного творчества: она — опора образов и непрерывный подвоз образов, первопринцип, порождающий образы» [2: с. 16]. На творческое переживание архетипа воды, его сложной бинарной символики, выступающей в качестве достаточно мощного стимула художественной образности, указывает и В.Н. Топоров. Исследователь считает, что «водные» образы в поэтике текста

отражают «память о праистоках», когда природные явления в процессе их культурного освоения становятся «заместителями» иных образов, часто связанных с отражением личных ситуаций, переживаний и мировоззренческих установок творческой личности. При этом творческая «переработка» природного «ведется в соответствии с собственными “культурными” и “поэтическими” традициями и навыками» [8: с. 577]. Поэтому, говоря о концептуальном, или «надтекстовом» уровне интертекстуальных включений как факторе осмысления *воды* у И. Бунина, будем понимать такое интервзаимодействие как заимствование кодов культуры и целостных комплексов — поэтических, архетипических, мифологических — всех надъязыковых, «нечитаемых» и ассоциативных смыслов, связанных с водой и отраженных в сознании носителя языка.

Архаико-мифологический характер первообраза воды, составляющий основу общечеловеческой символики этого природного феномена, обуславливает концептуализацию *воды* в прозе И. Бунина и тем самым определяет смысловое наполнение этой ментальной структуры в авторской картине мира. В частности, в прозе И. Бунина имя этой стихии и его субституты (например: *влага, море, океан, бездна, глубина, хлябь, пропасть, лоно, тьма, темнота, чернота, ничто, естество* и др.), часто в составе сложных номинаций (например: *вода источника, вода вечной жизни, живая вода сердца* и др.) и развернутых аллюзий «вечных» текстов, входят в контексты, отражающие архетипическое знание о воде как первобытном состоянии первичной (*prima*) материи, амбивалентной по сути, совмещающей в себе признаки жизни и смерти, начала и конца, космоса и хаоса одновременно. Это мифопоэтическое и архетипическое содержание универсального концепта и символа культуры, характерное для культурного самосознания, становится когнитивным механизмом, формирующим концептуальный образ *воды* в авторских текстах.

Как показывают собранные материалы, у И. Бунина реализуется древний образ активной воды. Генезис этого образа непосредственно связан с представлениями архаического сознания о воде, которые определяются в оппозиционных терминах «активности-инактивности» [7: с. 307–310]. Архетипически вода — активное

начало, которое мыслится как обладающее жизненной энергией естество. Реализуя идею активного начала, *вода* в авторских текстах выступает в качестве суверенной силы, уподобленной человеку и живым сущностям. В этом своем качестве *вода* в авторской картине мира употребляется только в форме Именительного субъекта действия, а ее дистрибуцию определяют глаголы различных семантических классов, включая глаголы физического действия и воздействия, движения и состояния, звукового проявления (часто интенсивного), зрительного восприятия. Так, *вода* у И. Бунина *опускается* и *поднимается*, *обнимает* и *моет*, *обдает* и *опутывает*, *легко бежит* и *несется*, *гудит* и *журчит*, *дышит*, *дремлет*, *смотрит* и т. д.

Вода как культурный феномен в культурно-языковом сознании мыслится в терминах бинарных оппозиций, свойственных архаическому сознанию. Субстанция воды архетипически воспринимается как хранительница и источник жизни: в индуизме, например, представленная в образе «священных вод» Апас, в шумеро-аккадской культуре — в образе Апсу, в библейской традиции — в образе водной бездны, творящей все сущее в мире. Интересно, что этимология номинант Апас и, по-видимому, Апсу (в аккадском варианте Абзу: *ab* — вода, *zu* — далеко) этимологически восходят к индоевропейскому корню **Нар*^[h], определяющему воду как активную сущность [7: с. 309]. Вода как творческое начало, согласно архаическим представлениям, участвует не только в процессе созидания мира — космогенезе, но также и в процессе его разрушения — мотив потопа в библейской традиции. Имя этой стихии, на уровне мифопоэтики традиционно мыслимой как всеобщее начало и конец, в идиолекте И. Бунина также представляется амбивалентной сущностью, которая концептуализируется и как *колыбель*, и как *могила* одновременно: *она* [волна] *так же медленно потянулась назад в колыбель и могилу свою* [3: т. IV, с. 439].

Традиционная для архаического сознания поляризация явлений, пронизывающая всю индоевропейскую культуру, проявляется и в контексте мифологизированного образа «родящей» воды, совмещающего в себе мотивы как женского, так и мужского

начал. У И. Бунина вода представляется в терминах оппозиции *мужской vs женский* и реализуется в концептуальных образах *водной (океанической) стихии*, выступающей в роли первородителей всего сущего — *Океана и Бездны*, — соотносящихся соответственно с мужским и женским началом. Соотнесение образа океанической стихии с мужским началом на языковом уровне формируется как грамматической отнесенностью лексемы *океан* к категории мужского рода, так и контекстуально — словосочетанием *отчее лоно*. При этом концептуальный образ океана как *родимого отчего лона* связывается с образом Бога, который, например, в рассказе «Воды многие» вводится цитатой из Библии: «*Путь твой в море и стезя твоя в водах великих и следы твои неведомы...*» [3: т. IV, с. 470]. Далее следует авторское: *И я был в страшной и сладкой близости твоей и безгранична моя любовь к тебе, и крепка вера в родимое, отчее лоно твое!* [3: т. IV, с. 470]. Женский образ основы всего сущего в рассказе «Сны Чанга» формирует сложная **номинация *Бездна-Праматерь***, о которой говорится, что она *родит и поглощает и, поглощая, снова родит все сущее в мире* [3: т. IV, с. 113], предначертывая каждому свой путь.

Надо сказать, что субстратом бунинской мифопоэтики *воды* выступает историософия — античная и библейская философские концепции мирового космогонического процесса, а также учение даосизма. Согласно древним космогониям вода представляется первичным состоянием дотварного мира, которая в архаических текстах семантизируется как водная бездна, в античной лингвокультуре именуемая хаосом. Идеи «хаоса» как животворной энергии в античной лингвокультуре и «бездны» в библейской ветхозаветной традиции сопряжены с представлениями об «абсолютном начале», о «пропасти» и «первобытном мраке», «тьме», предшествующих свету. В дискурсивном пространстве бунинских текстов ветхозаветные и античные знания о воде на языковом уровне представлены по-разному. В частности, функционируя в качестве библейско-христианской мифологемы, вода в этой роли в текстах И. Бунина предстает в образе *водной бездны* или *зыбкой хляби*, о которых *так ужасно говорит Библия* [3: т. IV, с. 24]. У И. Бунина вода, реализуя

культивированные античной мыслью представления о «грохочущем состоянии первобытия», наделяется и рядом признаков, присущих первобытному хаосу, безликому и бесконечному, животворящему и поглощающему одновременно, совмещающему идеи начала и конца, а также все оформляющей первоматерии. Реализуя идею хаоса, этого принципа «непрерывного, неразличимого и бесконечного становления» [5: т. II, с. 580], И. Бунин формирует образ воды, выступающей в качестве довременного естества — *prima materia*: *Вот и Хаос Гезиода, то первобытное и безликое состояние, из чего возник мир! Сколько богов рождалось на берегах этого моря и сколько их поглотил этот Хаос, подобно титану Кроносу, поглощавшему всех чад своих от Реи!* [3: т. III, с. 659]. Создавая «водный» образ исходного состояния всего сущего, И. Бунин избегает использования прямой номинации *хаос*. При формировании мифологизированного образа первородного естества предпочтение, как правило, отдается атрибутивным средствам. Так, создавая образ «первобытного и безликого состояния, из чего возник мир», И. Бунин использует такие определения, как *бездонный, бесконечный, безграничный, безмерный, живой, бунтующий, чуждый, враждебный, довременный, слепой, темный, черный* и т. п. Они в авторских текстах семантизируют то «грохочущее основание», которое соответствует мифопоэтическим представлениям о первобытии.

В авторских текстах концептуализация *воды* в качестве мифического хаоса реализуется в контексте таких компонентов, характеризующих водное пространство, как *тьма, чернота, темнота, черная темнота, аспидная муть, смола*. В частности, образ хаоса, шевелящегося и первозданного, прочитывается в рассказе «Пингвины»: *Внизу — тьма, смола, пропасть, где гудит, ревет, тяжело ходит что-то безмерное, бугристое, клубящееся, как какой-то допотопный спрут, резко пахнущее устричной свежестью и порой взвивающееся целыми водопадами брызг и пены...* [3: т. IV, с. 519].

Смыслы «темный», «черный» в языковой системе изначально определяют отсутствие света в описании окружающего пространства. Однако у И. Бунина данные смысловые компоненты субстантивируются и начинают транслировать то неопределенное *ничто*,

в античной культуре, по замечанию А.Ф. Лосева, соотносящееся с «пустотой» и противопоставляемое бытию как «упорядоченному» космосу [5: т. II, с. 581). Таким образом, в картине мира писателя такие контекстуально-смысловые компоненты, как *тьма*, *темнота*, *чернота*, *аспидная муть*, *смола* и др., становятся маркерами «включения» мифологических представлений, которые и определяют интертекстуальный слой, вплетенный в канву бунинских текстов.

Вместе с тем в прозе И. Бунина звучит и традиционная для античной философской мысли оппозиция: *хаос* как первопотенция, дотварное состояние материи *vs* *космос* как сотворенный мир. Кроме того, лексикализирующиеся как *водная бездна* (*бездна бездн*, *глубина*, *пропасть* и др.) мифический хаос и космос как мироздание, под которым скрывается «грохочущее основание» вечно живого и безмерно первоестества, в текстах прозы И. Бунина соположены. Переход одного к другому тонок, он проявляется и реализуется по-разному. Проявляющийся на фоне бинарных оппозиций *свет vs тьма*, *жизнь vs смерть* образ хтонической тьмы и с ним сопрягаемое изначальное и бесконечное состояние, осмысляемое в амбивалентных по сути образах океана (моря) и бездны (глубины, пропасти), даются в развитии и «вычитываются» из контекста. Например, в рассказе И. Бунина «Братья», построенном на смысловом противопоставлении *цивилизация vs природная стихия*, образ хаотического выстраивается на повторах лексем, связанных со смыслом «темный», «черный». При этом «тонкая пленка цивилизации», обычно представляемая в образах рукотворных артефактов — *корабля*, *парохода* и других средств передвижения по воде, — как бы срывается и уступает место природной стихии, обнажая ее грохочущее, шевелящееся основание. Отметим, что понятие хаоса в бунинских текстах соотносится с понятием цивилизации, а космоса — с понятием духовной, естественной жизни. Необходимо подчеркнуть, что экспликация образа хтонической тьмы, злотворное дыхание которой убивает духовное начало, обычно не ограничивается уровнем одного предложения или абзаца. Для выявления смысловых приращений в семантике бунинской *воды* уже нужен целостный текст — дискурс, выражающий стоящее за ним сознание и мировоззренческие установки.

В текстах прозы И. Бунина реализуются и другие «культурно-языковые сюжеты», связанные, в частности, с архаическим разделением двух вод на «живую» и «мертвую». В функции компонента, реализующего идею *воды-жизни*, у И. Бунина могут выступать устойчивые словосочетания, например, *живая вода*, *животворные ключи*. Явные отголоски семантики архаического мотива «разделения воды» на «живую» и «мертвую», отражающего мифопоэтическую связь воды с жизнью и смертью одновременно, обнаруживаются, например, в тексте миниатюры «Роза Иерихона». Здесь архаический мотив «живой воды» как способа преодоления смерти реализует концептуальную связь феномена воды с субстанцией духа, духовной жизни: *в живую воду сердца, в чистую влагу любви, печали и нежности погружаю я корни и стебли моего прошлого — и вот опять, опять дивно прозябает мой заветный знак* [З: т. IV, с. 167]. В приведенном примере на соотношении естественной животворящей функции воды формируется сложная метафора *живой воды сердца*, и тем самым в результате метафорического сдвига вода начинает описывать метафизическую область ментально-эмоционального. Ведь «сердце» — это не только орган кровообращения человека, но и «сосуд», хранящий и генерирующий энергию духа, души. Дистрибуция *воды* в данном контексте, отражая архаический мотив «живой воды» как «возвращения к жизни», в авторской прозе раскрывает необычную для обыденного сознания семантику. Уникальность индивидуально-авторского словоупотребления лексемы *вода* и ее субститута *влага* заключается в том, что концептуальное содержание «воды» вбирает гештальт (образ), соотносящий данный языковой знак с понятием памяти. Так, мотив воды-жизни у И. Бунина формирует образ памяти, в метафизическом «бесконечном и безначальном» пространстве которого через духовное совершается прорыв от смертного (временного) к бессмертию. Образ памяти, по сути, становится авторским проявлением традиционного для мифопоэтики воды представления, связываемого с вечностью. Но вечность, соотносясь с бесконечно давним и неизмеримым во времени, также с загробным миром

и небытием, традиционно ассоциируется с забвением (забыванием). У И. Бунина же концептуальная связь воды и вечности соотносится с душой, с памятью как противопоставлением небытия бессмертию. Смертное сущее в авторской картине мира «через воду жизни» — энергию духа, семантизирующуюся как память, — обретает как бы второе рождение и духовное возвращение к жизни.

Кроме интертекстуального слоя архаического сознания как фактора концептуализации *воды* у И. Бунина в авторской картине мира звучит и индуистско-буддистское начало: представление текучести жизни через постоянно воспроизводимые образы реки и ручья, а также «несметных жизней», таящихся в воде: *Я иду по песку и сажусь у самого края воды и с упоением погружаю в нее руки, мгновенно загорающиеся мириадами светящихся капель, несметных жизней* [3: т. IV, с. 444].

Наконец, в идиолекте И. Бунина находят свою реализацию и ноты религиозно-христианской символики жизненной потенции воды, в Царствии Небесном выступающей в качестве средства духовного перерождения и Божественной благодати, очищающей дух от скверны и готовящей брэнное тело к вечности. У И. Бунина христианский мотив божественной сущности воды как омовения души в водах Духа звучит, в частности, в рассказе «Камень». В этом рассказе создается мифологизированный образ «святой» воды, используемой в христианской культуре и ритуальных практиках: *ее-то и кропят ежечасно розовой водой* [3: т. III, с. 550]. Очевидно, что *розовая вода* как разновидность агиасмы, используемой в религиозном обиходе, актуализирует в авторской картине мира идею магических свойств воды, связанную с духовными кодами культуры.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что общекультурные представления, мотивы и образы воды, отражая архетипическое и мифопоэтическое знание о ней как активной персонифицированной сущности, амбивалентной по сути, играют не последнюю роль в концептуализации *воды* у И. Бунина. Эти концептуальные смыслы, связанные с водой, отражая широкую

взаимосвязь культуры и семантики слова, играют своего рода роль когнитивных отсылок, раскрываемых в результате читательской рефлексии. Звучащие в творчестве И. Бунина культурные коды определяют и концептуальное содержание «воды», непосредственно связанное с ее символикой. Тем самым именно этот высший уровень концептуального взаимодействия, эти «пучки» смыслов, связанных с водой, коррелируя на ментальном уровне с когнитивным сознанием творящего индивида, его индивидуальной и культурной памятью, обогащают концептуальное содержание «воды», его образно-перцептивное наполнение, которое, в свою очередь, реконструируется рефлектирующим читателем или исследователем. Определяя культурную составляющую «воды», этот «надтекстовый» уровень существования ментального феномена в авторской картине мира получает осязаемость через анализ сочетаемости (прежде всего метафорической) данного имени и его субститутов в контексте. Так, *вода* у И. Бунина, отражая «культурную память» слова, выступает в качестве символа амбивалентных начал, совмещающего в себе идеи Божественной сущности и одновременно мифического Хаоса — этого античного *ничто* и *первичной материи, жизни и смерти, начала и конца, активной и суверенной силы, а также пути жизни и памяти* как средства обретения бессмертия. Проявление смысловых приращений *воды* у И. Бунина на языковом уровне соотносится с вечно творящим *живым лоном, бездной, тьмой, первобытным состоянием, довременным естеством* и т. д.

В заключение отметим, что «чужое слово» из интертекстуального пространства становится источником мифопоэтических и архетипических элементов в структуре концептуального содержания «воды» в прозе И. Бунина. Античные, ветхозаветные и иные культивированные мировой философской мыслью идеи и сюжеты, связанные с культурным феноменом «воды», в авторской картине мира определяют концептуальное содержание этой ментальной структуры, ее культурную составляющую. Тем самым проведенное исследование позволяет полагать, что учет интертекстуального дискурса должен играть для исследователя немаловажную роль

в реконструкции бунинского концепта «вода», вмещающего богатство культурных кодов мировой мысли. Взгляд на творчество И. Бунина через призму интертекста — этого непрерывно осуществляемого взаимодействия культур — позволяет не только определить смысловые приращения символического характера имени концепта *вода* в авторской картине мира. Интертекстуальный подход также способствует выявлению мировоззренческих установок пишущего субъекта, хранящихся в его когнитивном пространстве.

Литература

1. *Арнольд И.В.* Интертекстуальность — поэтика чужого слова // Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. / науч. ред. П.Е. Бухаркин. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 350–362.
2. *Башиляр Г.* Вода и грезы. Опыт в воображении материи. М.: Изд-во гуманит. литературы, 1998. 268 с.
3. *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 6 т. / редкол. Ю. Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич. Т. III, IV. М.: Худ. лит., 1987, 1988. 671 с., 703 с.
4. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог, роман // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 1. С. 97–124.
5. *Лосев А.Ф.* Хаос // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. Т. II. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 579–581.
6. *Степанов Ю.С.* «Интертекст» — среда обитания культурных концептов (к основаниям сравнительной концептологии) [Электронный ресурс]. URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/stepanov1.htm> (дата обращения: 20.02.2016).
7. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
8. *Топоров В.Н.* О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 575–622.

References

1. *Arnol'd I.V.* Intertekstual'nost' — poe'tika chuzhogo slova // Arnol'd I.V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost': sb. st. / nauch. red. P.E. Buxarkin. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. S. 350–362.
2. *Bashlyar G.* Voda i gryozy'. Opy't v voobrazhenii materii. M.: Izd-vo gumanit. literatury', 1998. 268 s.

3. *Bunin I.A.* *Sobr. soch.:* v 6 t. / red. Yu. Bondarev, O. Mixajlov, V. Ry'nkevich. T. III, IV. M.: Xud. lit., 1987, 1988. 671 s., 703 s.
4. *Kristeva Yu.* Baxtin, slovo, dialog, roman // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya.* 1995. № 1. S. 97–124.
5. *Losev A.F.* Хаос // *Mify' narodov mira: e'nciklopediya:* v 2 t. / gl. red. S.A. Tokarev. T. II. M.: Sov. e'nciklopediya, 1980. S. 579–581.
6. *Stepanov Yu.S.* «Intertekst» — sreda obitaniya kul'turny'x konceptov (k osnovaniyam sravnitel'noj konceptologii) [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/stepanov1.htm> (data obrashheniya: 20.02.2016).
7. *Stepanov Yu.S.* Konstanty': slovar' russkoj kul'tury'. M.: Akademicheskij proekt, 2004. 992 s.
8. *Toporov V.N.* O «poe'ticheskom» komplekse morya i ego psixofiziologicheskix osnovax // *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoe'ticheskogo.* M.: Progress – Kul'tura, 1995. S. 575–622.